

РОБЕРТ РОЖДЕСТВЕНСКИЙ

В КНИГЕ РОБЕРТА РОЖДЕСТВЕНСКОГО –
ПОЭЗИЯ И ПРОЗА,
ВОШЕДШИЕ В ЕГО СБОРНИКИ
РАЗНЫХ ЛЕТ.

РОБЕРТ
РОЖДЕСТВЕНСКИЙ
СТИХИ И ПРОЗА

ЗОЛОТЫЕ
СТРОФЫ
ВЕКА

Москва
Издательство АСТ
2019

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5
Р62

Составитель – Александр Мурашов.

Рождественский, Роберт Иванович.

Р62 За тобой через года / Роберт Рождественский. – Москва : Издательство АСТ, 2019. – 288 с. – (Золотые строфы века).
ISBN 978-5-17-113133-3

В книге известного русского советского поэта Роберта Рождественского собраны стихи, которые посвящены близким современному читателю темам: самореализации человека, молодости и зрелости, памяти и великой войне, мужеству и трусости, непростым судьбам людей советского периода и послесоветского времени. При этом книга создает лирические портреты нескольких эпох, на которые пришлась жизнь поэта. Для лучшего понимания поэзии Рождественского в книгу включены отрывки из статьи поэта о его американских впечатлениях и заметки из записной книжки.

УДК 821.161.1-1

ББК 84(2Рос=Рус)6-5

ISBN 978-5-17-113133-3

© Рождественский Р.И., наследники, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

ВСЁ ХОЧУ Я УВИДЕТЬ...

Все хочу я увидеть.

Хочу испытать,

 Все, кроме смерти,

И слышать все шепоты мира

и все его грохоты.

Но даже и то, что небесный Госплан

 отпустил мне по смете,

я честно приму.

И вместе с друзьями

потрачу до крохотки...

Все желания могут исполниться,

 кроме самого яркого –

колеса машины времени

 ржавеют – несмазаны...

А мне б

откусить

от того матросского яблочка!

А мне бы

почуять

рукопожатье товарища маузера!..

Это вовсе не кровь,

 это время в жилах играет.

 Пусть потом разберутся,

 кто гений,

 кто трус,

 кто воин.

Ведь не тогда человек умирает,

 когда умирает,

А тогда, когда говорит:

«Я собой доволен...»

Я собой доволен...

И можно готовить деньги,
заказывать место на кладбище
и траурный выезд...

А в соседнем сквере

кудахчут хорошо одетые дети.

И не знают еще,

что им досталась эпоха –

на вырост!

Мы об этом тоже не знали.

Мы не верили, что состаримся.

И что однажды

на сердце у каждого

истина выжжется:

никогда не бывает Счастье

конечной станцией!..

...Потому-то и кружится этот мир.

Потому он

и движется.

НАЧАЛО

Я родился –
нескладным и длинным –
в одну из влажных ночей.
Грибные июньские ливни
звенели,
как связки ключей.
Приоткрыли огромный мир они,
зайчиками прошлись по стене.

«Ребенок
удивительно смирный...» –
врач сказал обо мне.
...А соседка достала карты,
и они сообщили,
что
буду я не слишком богатым,
но очень спокойным зато.
Не пойду ни в какие бури,
неудачи
смогу обойти
и что дальних дорог
не будет
на моем пути.
Что судьбою,
мне богом данной
(на ладони вся жизнь моя!),
познакомлюсь
с бубновой дамой,
такой же смирной,
как я...

Было дождливо и рано.
Жить сто лет
кукушка звала.
Но глупые карты
врали!
А за ними соседка
врала!
Наврала она про дорогу.
Наврала она про покой...
Карты врали!..
И слава богу,
слава людям,
что я не такой!
Что по жилам бунтует сила,
недовольство собой храня.
Слава жизни!
Большое спасибо
ей
за то, что мяла меня!
Наделила мечтой богатой,
опалила ветром сквозным,
не поверила
бабьим картам,
а поверила
ливням грибным.

УТРО

Владимиру Соколову

Есть граница между ночью и утром,
между тьмою
 и зыбким рассветом,
между призрачной тишью
и мудрым
ветром...

Вот осиновый лист трясется,
до прожилок за ночь промокнув.
Ждет,

 когда появится солнце...

В доме стали заметней окна.

Спит,

 раскинув улицы,
 город,

все в нем –

 от проводов антенных

до замков,

 до афиш на стенах, –

все полно ожиданием:

скоро,

скоро!

 скоро!! –

вы слышите? –

 скоро

птицы грянут звонким обвалом,

растворятся,

сгинут туманы...

Темнота заползает
 в подвалы,
в подворотни,
 в пустые карманы,
наклоняется над часами,
смотрит выцветшими глазами
(ей уже не поможет это), —
и она говорит голосами
тех,
 кто не переносит
 света.

Говорит спокойно вначале,
а потом клокоча от гнева:
– Люди!
Что ж это
Ведь при мне вы
тоже кое-что
различали.
Шли,
 с моею правдой не ссорясь,
хоть и медленно,
 да осторожно...
Я темней становилась нарочно,
чтобы вас не мучила совесть,
чтобы вы не видели грязи,
чтобы вы себя
 не корили...
Разве было плохо вам?
Разве
вы об этом тогда
говорили?

Разве вы тогда понимали
в беспокойных красках рассвета?

Вы за солнце
луну принимали.

Разве я
виновата в этом?

Ночь, молчи!

Все равно не перекричать
разрастающейся в полнеба зари.

Замолчи!

Будет утро тебе отвечать.

Будет утро с тобой говорить.

Ты себя оставь

для своих льстецов,

а с такими советами к нам

не лезь –

человек погибает в конце концов,

если он скрывает

свою болезнь.

...Мы хотим оглядеться

и вспомнить теперь

тех,

кто песен своих не допел до утра...

Говоришь,

что грязь не видна при тебе?

Мы хотим ее видеть!

Ты слышишь?

Пора
знать,

в каких притаилась она углах,
в искаженные лица врагов взглянуть,
чтобы руки скрутить им!
Чтоб шеи свернуть!

...Зазвенели будильники на столах.

А за ними

нехотя, как всегда,
коридор наполняется скрипом дверей,
в трубах
с клетотом гулким проснулась вода.

С добрым утром!

Ты спишь еще?

Встань скорей!

Ты сегодня веселое платье надень.

Встань!

Я птицам петь для тебя велю,

Начинается день.

Начинается

день!

Я люблю это время.

Я

жизнь люблю!

Вернуться б к той черте,
где я был мной.
Где прилипает к пальцам
хлеб ржаной.
И снег идет.
И улица темна.
И слово «мама» –
реже, чем «война»
Желания мои скупы.
Строги.
Вся биография –
на две строки.
И в каждой строчке
холод ледяной...
Вернуться б к той черте,
где я был мной.
Вернуться бы,
вернуться б к той черте,
где плачу я в полночной духоте,
где очень близко
губы и глаза,
где обмануть нельзя,
смолчать нельзя.
Измены –
даже мысленно –
страшны.
А звездам в небе
тесно от луны.
Все небо переполнено луной...

Вернуться б к той черте,
где я был мной.
Не возвращаться б
к той черте,
когда
становится всеильной немота.
Ты бьешься об нее.
Кричишь,
хрипя.
Но остается крик внутри тебя.
А ты в поту.
Ты память
ворошишь.
Как безъязыкий колокол, дрожишь.
Никто не слышит крика твоего...
Я знаю страх.
Не будем
про него.
Вернуться б к той черте,
где я был мной.
Где все впервые:
светлый дождь грибной,
который по кустарнику бежит.
И жить легко.
И очень надо
жить!

СЫН ВЕРЫ

Я –

сын Веры...

Я давно не писал тебе писем,

Вера Павловна.

Унесли меня ветры,

напевали мне ветры

то нахально,

то грозно,

то жалобно.

Я – сын Веры.

О, как помогла ты мне, мама!

Мама Вера...

Ты меня на вокзалах пустых обнимала,

мама Вера.

Я –

сын Веры.

Непутевого сына

ждала обратно

мама Вера...

И просила в письмах

писать только правду

мама Вера...

Я –

сын Веры!

Веры не в бога,

не в ангелов, не в загробные штуки!

Я –

сын веры в солнце,

которое хлещет

сквозь рваные тучи!